

КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

В поисках Алетеи

ИСТОКИ НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ: ЛИНИЯ ПЛАТОНА

И.Э. КЛЮКАНОВ

Аннотация

Философию принято противопоставлять науке, однако истоки науки уходят к философскому мысленному рассмотрению вещей. Настоящая статья представляет собой анализ роли Платона в становлении научного мышления. Показано, как стремление Платона установить стабильность мира в виде идеальных форм определило его отношение к устной речи, а также к передаче и хранению знаний в письменной форме. Особое внимание в статье уделяется взглядам Платона на диалектику как живое движение мысли. В этой связи отмечается критическое отношение Платона к риторике, которую нельзя считать методом, поскольку она представляет собой не поиск истины, а лишь процесс убеждения большинства людей. Указывается, что в делениях, которые проводит Платон, таких, например, как явление/реальность, мнение/знание, тело/душа, риторика/диалектика и т.д. первый элемент каждой оппозиции является маркированным, свидетельствуя о его истинных симпатиях. Отмечается, что научность платоновской мысли в конечном счете носит философско-моральный характер. Утверждается, что Платон заложил основы научного мышления, цель которого — найти истину, чтобы жизнь озарилась светом знаний.

Ключевые слова: Платон, наука, знания, риторика, диалектика, устная и письменная речь.

Клюканов Игорь Энгелевич — доктор филологических наук, профессор кафедры коммуникативных исследований Восточно-Вашингтонского университета, США.

Цитирование: *КЛЮКАНОВ И.Э.* (2017) Истоки научного мышления: линия Платона // Философские науки. 2017. № 5. С. 43–55.

По выражению, которое приписывается Пифагору, «жизнь... подобна игрищам», при этом «иные приходят на них состязаться, иные — торговать, а самые счастливые — смотреть» [Аристотель 2005, 392]. Эти «самые счастливые» люди — философы: они «рождаются жадными... до одной только истины» [Аристотель 2005, 392]: в основе такого поиска — созерцание и отстранение от потока повседневного бытия, то, что Аристотель называл «биос теоретикос» (др.-греч. βίος θεωρητικός), т.е. жизнь, определяемая мысленным рассмотрением вещей. Здесь

по сути речь идет о том исследовании жизни, которому, согласно Сократу, должна подвергаться жизнь, чтобы человеку стоило ею жить. Философию принято противопоставлять науке, однако именно в философском «мысленном рассмотрении вещей» — истоки научного мышления. И здесь нельзя переоценить роль Платона. Возможно, имя Платона — не первое, которое в данной связи приходит на ум, поскольку, когда говорят о науке, обычно имеют в виду особую познавательную деятельность человека, которая требует внимательных наблюдений и глубоких размышлений; те люди, которые занимаются наукой, ищут объективные знания, систематизируют факты, формулируют законы; наука позволяет нам контролировать и прогнозировать различные явления; на основе научного мировоззрения можно воздействовать на окружающий мир и т.д. Тем не менее именно идеи Платона лежат в основе науки как исследования жизни.

Как известно, Платон считал, что основная реальность — это мир идей, которые могут и должны быть познаны, а чувственно воспринимаемый мир слишком изменчив и слишком не надежен для того, чтобы создать устойчивое образование в виде знаний (эпистеме, др.-греч. ἐπιστήμη), а не просто мнений (докса, др.-греч. δόξα). В своей знаменитой «Разделенной Линии» Платон отделил мир явлений от мира эйдосов; первый состоит из физического мира и его отображений (теней), а второй — из математических объектов и самих идеальных форм. Числа Платон включил в мир идеальных форм; математические же объекты, которые носят характер геометрических и стереометрических фигур и моделей, он поместил в промежутке между миром идеального и чувственным миром, т.е. по сути между числами и вещами. Следует отметить влияние идеалиста Платона на концепцию «трех миров» позитивиста Поппера [Бессонов 2014]. При этом следует, однако, помнить, что между ними существуют отличия: как писал сам К. Поппер, «то, что я называю “третьим миром”, по-видимому, имеет много общего с платоновской теорией форм и идей... хотя моя теория в некоторых радикальных аспектах отличается от теории Платона» [Поппер 2002, 122].

Показательно, что даже когда Платон говорит о физически воспринимаемых вещах (звездах, музыке или строениях), он обращает внимание прежде всего на те абстрактные качества, которые они вызывают, например, понятие красоты или практичности. Основная идея для Платона — это идеал справедливости как высшей добродетели. С его точки зрения, молодых людей нужно воспитывать не на основании того, какую выгоду они могут извлечь для себя в той или иной ситуации (даже если при этом можно поступить несправедливо, избежав последствий), а на основании понятия справедливости, т.е. идеи, которая является незыблемым идеалом. Справедливость при этом понимается как осознание гражданами поведения, кото-

рое является отражением справедливого общества и основано на разумном знании. Таким образом, Платон предложил устойчивое мироустройство, которое должно преодолеть изменчивость и хаотичность чувственно воспринимаемого мира: для Платона бытие важнее становления.

До познания идеальных форм, однако, каждому надо дойти или же, пользуясь платоновским образом, подняться на колеснице, дав волю белому коню и обуздав черного. Именно так душа, которая есть у каждого, позволяет нам подниматься к миру идей, припоминая те знания, которые заложены в ней и которые забываются в мире физических явлений и их отображений. Для того чтобы вспомнить эти идеи, мы должны идти к ним путем справедливых дел и умея видеть красоту в различных вещах и построениях, включая математические. Припоминание (анамнезис, др.-греч. ἀνάμνησις) — это действие, которое дает нам возможность увидеть за тенью сущего истинное бытие. Иными словами, душа у Платона — уже не столько дышащий самодвижущийся космос, который просто есть (бытийствует) и в котором нет места поиску, а человеческий разум, который ищет идеи и должен пройти определенный путь, чтобы их достичь. Ниже мы увидим, как, по мнению Платона, должен осуществляться этот путь (методос, др.-греч. μέθοδος), по которому должна идти — или же нести — на колеснице — душа.

Платон критически относится к тому, как люди говорят о своем опыте и выражают свое мнение о конкретно-практических делах. Изучением этого занимается риторика, причем можно сформировать и изменить какое угодно мнение, поскольку это все — слова, слова, слова. Можно полагать, что стремление Платона установить стабильность мира в виде идеальных форм было (также) реакцией на релятивизм, с которым он связывал учение софистов. Критически Платон относился и к поэтам, рассказы-песни которых туманны и у которых нельзя ничего спросить (т.е. спросить, что значат эти рассказы-песни), а можно лишь внимать этим завораживающим звукам, самозабвенно теряясь в их вьющейся ткани. Такие рассказы-песни содержат лишь подражание и эмоции, и их исполнение не может обеспечить доступ к истинным знаниям, которые требуются для создания идеального государства (где, как известно, поэтам не нашлось места).

Идеальное государство предполагает образование и как определенное политическое устройство (ср.: республика — лат. *res publica*, т.е. «общее дело») и как всеобщее, гармонизированное, основополагающее знание (ср.: пайдейя — др.-греч. παιδεία). Как пишет М. Хайдеггер, ссылаясь на «притчу о пещере», «Платон хочет показать, что существо этой παιδεία вовсе не в том, чтобы голые познания всыпать в неподготовленную душу, как в первый попавшийся пустой сосуд. Подлинное образование, напротив, захватывает и обращает самую душу в целом,

переставляя человека на место, подобающее его существу и заставляя в нем обживаться» [Хайдеггер 1986, 260]. Образование — это то, что ведет, влечет за собой; не тянет и не толкает, а именно влечет. Именно в свете такого осмысления пайдеи Платон рассматривает поэзию и задает Гомеру, на произведениях которого воспитывались поколения в древней Греции, свой вопрос: «Дорогой Гомер, скажи нам, какое из государств получило благодаря тебе лучшее устройство..?» [Платон 2006, 50]. Ирония, которую нельзя не почувствовать в этом вопросе, вполне объяснима: для Платона поэт (ποιητής) — это создатель мифов, которые могут развлекать, но не могут ничему научить; последнее — дело философов (др.-греч. φιλόσοφος) и «основателей города» (др.-греч. οἰκιστής).

Конечно, можно представить, как Гомер отвечает: «Дорогой Платон, скажи нам, а какое из государств получило благодаря тебе лучшее устройство? Уж не то ли, что основано на твоих Законах?» Но поэт не спорит, не занимается аргументацией и дебатами: поэт поэтизирует — так же, как цветет цветок и бытийствует бытие. Поэзия здесь — это не «литература» в современном понимании, а производство бытия — каким бы эфемерным оно ни было, т.е. политическая и социальная необходимость. Вообще, с точки зрения Платона, основным препятствием на пути построения идеального государства является не деспот-тиран, а деспотическая тирания любых коллективных исполнений, т.е. по сути различных форм общественной жизни, например, городских ассамблей или театров. Человеку трудно выбраться из подобной «пещеры», оставаясь в рамках устно-поэтической традиции.

Между тем отношение Платона к устной речи (как, впрочем, и к письменной) является сложным, если не амбивалентным. Обосновывая вечное царство идеальных форм, он выступает против риторики и поэтов, т.е. по сути против устной традиции, которая слишком связана (с) особенностями определенного времени и места; его симпатии, однако, лежат на стороне оральности, когда обсуждается (негативная) природа письма. В то же время он говорит о знаниях, которые «пишутся в душе», ср. следующий знаменитый отрывок из «Федра»:

С о к р а т. Значит, и тот, кто рассчитывает запечатлеть в письменах свое искусство и кто в свою очередь черпает его из письмен, потому что оно будто бы надежно и прочно сохраняется там на будущее, — оба преисполнены простодушия и, в сущности, не знают прорицания Аммона, раз они записанную речь ставят выше, чем напоминание со стороны человека, сведущего в том, что записано.

Ф е д р. Это очень верно.

С о к р а т. В этом, Федр, дурная особенность письменности, поистине сходной с живописью: ее порождения стоят, как живые, а спроси их — они величаво и гордо молчат. То же самое и с сочинениями: думаешь, будто они говорят, как разумные существа, но если кто

спросит о чем-нибудь из того, что они говорят, желая это усвоить, они всегда отвечают одно и то же. Всякое сочинение, однажды записанное, находится в обращении везде — и у людей понимающих, и равным образом у тех, кому вовсе не подобает его читать, и оно не знает, с кем оно должно говорить, а с кем нет. Если им пренебрегают или несправедливо его ругают, оно нуждается в помощи своего отца, само же не способно ни защититься, ни помочь себе.

Ф е д р. И это ты говоришь очень верно.

С о к р а т. Что же, не взглянуть ли нам, как возникает другое сочинение, родной брат первого, и насколько оно по своей природе лучше того и могущественнее?

Ф е д р. Что же это за сочинение и как оно, по-твоему, возникает?

С о к р а т. Это то сочинение, которое по мере приобретения знаний пишется в душе обучающегося; оно способно себя защитить и при этом умеет говорить с кем следует, умеет и промолчать.

Ф е д р. Ты говоришь о живой и одушевленной речи знающего человека, отображением которой справедливо можно назвать письменную речь?

С о к р а т. Совершенно верно [Платон 1989, 65].

Мы видим, что, как ни странно, Платон устами Сократа противопоставляет письмо, которым пишутся знания в душе обучающегося, не устной речи, а письменам, в которых некоторые рассчитывают запечатлеть свое искусство и из которых другие его черпают. Между тем то, что Платон называет отображением «живой и одушевленной речи знающего человека», является по сути устной речью. Подобные противоречия, содержащиеся во взглядах Платона, как известно, обсуждались не раз. Отмечают, что выступления Платона против риторики являются эффективными именно потому, что он сам пользуется риторическими приемами. Кроме того, письменность сделала мысль Платона столь глубокой и многогранной и позволила сохраниться его сочинениям.

Таким образом, Платон, кажется, не противопоставляет устную речь и письменную речь (или же два разных вида письменной речи), а дает понять, что передача и сохранение знаний — это не быстрый, механический, бездуховный, а сложный, разворачивающийся, одушевленный процесс. Кроме того, можно считать, что сочинения Платона (пусть и в записанном виде) умеют «говорить с кем следует», а умеют и «промолчать». Знаменитая фраза Л. Витгенштейна — «О чем невозможно *говорить*, о том следует молчать», прозвучавшая на несколько тысячелетий позже, кажется, лишь оформила тот смысл, о котором говорил (вернее молчал) Платон. Как считают представители так называемой Тюбингенской школы, центральное место в творчестве Платона занимают не сочинения, а элементы «неписанного» учения, которое носило систематический характер и которое излагалось

близким ученикам в виде лекций и бесед [Nikulin 2012]. Сочинения же Платона имеют характер протрепетический, т.е. побуждающий к живому общению и к занятию философией. Можно считать, что Платон на несколько тысячелетий опередил появление так называемой «приглашающей риторики» [Foss 2009].

Мысль Платона, таким образом, не является однозначной, а, напротив, полна противоречий: именно поэтому, однако, она побуждает душу к размышлению. «Не вызывает на размышление, — говорит Платон, — то, что не переходит в противоположное ощущение, тогда как то, что переступает в противоположное ощущение, то есть когда ощущение говорит об одном нисколько не меньше, чем о противоположном, я считаю вызывающим на размышление» [Платон 2006, 74]. Речь, конечно, идет о диалектике, которая представляет собой живое движение мысли. Именно таким способом, по мнению Платона, осуществляется путь, по которому душа движется к истине. «Метод» обычно переводят как «путь», понимая под этим как бы прохождение определенного расстояния, т.е. некую процедуру, с помощью которой достигается некая цель. Между тем «метод» — это не просто нечто, объективно существующее отдельно от человека, чем можно воспользоваться, а то, что возникает в самом пути или даже из самого пути; таким образом, «метод» — это не столько «способ», сколько «следование» [Heidegger 2005, 62.] Мы следуем за истиной, в идеале становясь движением самой истины. Диалектический метод является философским, поскольку представляет истину не как нечто покоящееся, что может быть достигнуто в результате применения какой-то процедуры, а как то, что открывается лишь в процессе движения мысли и к чему можно лишь стремиться, т.е. за чем можно следовать.

Риторика, по мнению Платона, «не вызывает на размышление», поскольку представляет собой не поиск (общей) истины, а убеждение большинства. Риторика — это попытка убедить (победить) некую массовую аудиторию; тем самым риторика как бы всегда нацелена на «мы». Следовать (за) истиной можно не путем публичного обращения или же завораживающего рассказа-мифа, а лишь путем разговора, в котором слышен голос каждого участника. При этом вызывать на размышления — это не просто слушать и убеждаться, а как бы бросать вызов, представляя то, что «переступает в противоположное ощущение» [Платон 2006, 74]: именно на это направлен вопрос, составляющий суть диалектического метода.

Такой вопрос отличается от риторического вопроса, который является лишь фигурой речи и употребляется для усиления какой-то точки зрения: риторический вопрос, как известно, не требует ответа. Диалектический же метод требует постоянно ставить вопросы и сообщать на них ответы: подобный вопрос, по сути, это вопрос (ис)следования (ср.: (re)search question). Вопрос важнее ответа, так как

истиной на определенный момент можно считать то, что (еще) не поставлено под вопрос: известно, что Сократа не удовлетворял ни один ответ. В какой-то мере его постоянно вопрошающий диалектический метод предвосхищает принцип фальсифицируемости К. Поппера. Явно также прослеживаются параллели между беседой, которая состоит из вопросов-ответов, и герменевтическими процедурами интерпретации текстов и — шире — любых объектов вопрошания. Кстати, знаменитое высказывание А.Н. Уайтхеда о том, что вся европейская философская традиция состоит лишь из сносок к Платону [Whitehead 1979, 39], вряд ли пришлось бы по душе самому Платону, поскольку оно акцентирует внимание на письме; скорее, в духе самого Платона с его предпочтением устной речи, лучше было бы говорить о том, что вся западная философия является как бы диалогом с ним, т.е. процессом вопрошания-ответания.

Создание алфавитного письма позволило Платону развить диалектический метод, который требует субъективности каждого участника разговора. Только так можно выйти из устного плена, покинув пещеру, на стенах которой лишь мелькают (со)мнения-тени. Иными словами, диалектический путь, которым, по Платону, может идти душа, позволяет ей найти выход там, где до этого она видела лишь безвыходную ситуацию. Диалектика — это путь к истине, т.е. к самому себе. Таким образом, если риторика была нацелена на «мы», то диалектика — это следование (к) «я». Как только «мы» уступило место «я», «кончились те светлые дни, когда человек молился на звезды, возводил себя к звездам и не чувствовал своей собственной личности» [Лосев 2000, 408].

Можно подумать, что Платон единолично и злонамеренно разрушил тот идеальный («светлый») миропорядок, который существовал в Античности. Между тем, во-первых, на его взгляды оказали влияние идеи предыдущих мыслителей, например, Гераклита (о постоянно меняющихся вещах, воспринимаемых чувствами); Парменида и представителей элейской школы (об изменении и становлении); и даже софистов (о противопоставлении природы (фюсис, др.-греч. φύσις) и закона (номос, др.-греч. νόμος). А во-вторых, диалектика для Платона — это прежде всего путь к истине как высшей добродетели, т.е. он преследовал самые благие намерения — заменить постоянно меняющийся, ненадежный мир явлений устойчивым, идеальным миром идей. Устройство подобного идеального государства — это прежде всего устройство ума, царство разумных законов. Диалектика для Платона, как известно, — это царское искусство, которое сродни искусству управления вообще. Можно сказать, что Платон был первым идеологом-управленцем, основателем своего рода «Высшей Школы Управления». Известно, что политические взгляды Платона не отличались демократичностью, но нас интересует не политологический анализ его учения, а то, что в его основе лежит подход, опирающийся

на строгость мысли. Мыслить — значит находить путь к особым формам, узреть их умом, а не создавать рукой, подобно геометру: так ремесленное ткачество уступает место визионерству.

Итак, философию Платона можно считать прообразом науки, основанной на строгом и точном методе следования к истине. По словам М. Хайдеггера, вся наука говорит языком Платона — как метафизика, так и позитивизм [Heidegger 1973, 386]. Такая точка зрения становится еще более понятной, если вспомнить, что этимологически слово «наука» восходит не просто к «учению» (как, например, в русском языке), но к значению отделения чего-то от чего-то (ср. лат. *scientia*, восходящее к корню **skei-* — «расщеплять», «разделять»). Именно в подобном «расщеплении» заключается революционный характер научной мысли Платона, который осуществил целый ряд основополагающих «расщеплений».

(а) Прежде всего, как было сказано, в своей «Разделенной Линии» Платон отделил мир явлений от мира эйдосов, отнес к первому физический мир и его отображения, а к последнему — математические объекты и сами идеальные формы.

(б) Кроме того, Платон — визионер, увидевший суть человека не в производстве чего-то путем подражания природе, а в движении мысли; тем самым Платон по сути отделил человека от природного космоса.

(в) Более того, если ранее космос представлялся как явление внеличностное, то Платон выделил созерцание человеком своего внутреннего мира, т.е. акцентировал внимание на его автономной субъективности, как бы отделив и душу от тела: если раньше душа отождествлялась с дыханием, центром которого были легкие или френес, то теперь душа становится думающей душой. По словам Э. Хевелока, такую новую форму мышления можно представить как переход от выражения «Я — Ахилл» к выражению «Я думаю об Ахилле» [Havelock 1963, 209]. В результате подобной трансформации, которая явно носит прото-картезианский характер, становится возможным накапливать научные знания. Например, английское выражение «a body of knowledge» (дословно «тело знаний») как бы еще сохраняет соматичность внутренней формы, а в русском языке говорят уже о «сумме знаний», т.е. о механическом складывании результатов познавательной деятельности человека. Переход от чувствующего (одухотворенного) тела к думающей душе можно рассматривать как переход от соматичности к суммарности, от органики к механике.

(г) Платон отделил также знания от мнения, дав таким образом мощный толчок развитию эпистемологии. С его точки зрения, именно на основе знаний в виде строгих законов можно создать устойчивое образование (республику и пайдейю).

(д) Критически относясь к мнению, которое может быть каким угодно, Платон отделил риторику от диалектики: задача первой — оказывать влияние на субъектов, тогда как задача последней — двигаться (вслед за) мыслью к объектам, т.е. к истине. Не случайно члены Британского Королевского Общества — одного из старейших научных обществ, основанного в XVII в., хотели видеть мир без риторики, чтобы все могли воспринимать вещи такими, какие они есть на самом деле — чистыми, как стекло.

(е) Платон также провел линию между устной и письменной речью, отдавая предпочтение первой, но при этом, как было отмечено, проявляя противоречивое отношение к последней. Выступая против риторики (а заодно и против поэтов, отделив их от идеального государства), Платон по сути выступает против устной традиции. В то же время он видит ее положительные стороны, обсуждая негативную природу письма. Так или иначе, он явно заострил внимание на различии речи устной и речи письменной.

(ж) В конце концов, Платон отделил человека (как часть физического мира) от мира идей, т.е. отделил субъект от объекта. Таким образом, один мир предстал перед другим: принято говорить, что объективный — перед субъективным, однако, можно сказать и наоборот.

Разделение космоса на (реально существующий) субъективный и (идеально существующий) объективный миры нужно для того, чтобы душа человека стремилась к истинным *Формам*. В идеале каждый человек должен полностью осознать истину, как бы заполнив *Форму*, т.е. по сути став ею. Иными словами, субъект должен стать объектом — или наоборот: идеальное образование — это когда все являются равными друг другу, т.е. равными *Формам/и*. Реальный мир — это мир множественности и делимости всех вещей: соответственно, такой мир изменчив и не может считаться самостоятельной субстанцией. Мир же идеальных *Форм* — это то, что неизменно, вечно и тождественно себе. Именно этот мир, открытый лишь для умопознания, представляет собой истинное бытие (ср. знаменитые слова Парменида: «Бытие есть, а небытия нет»). Этот мир является единым: его нельзя разделить на множество чувственно конкретных вещей, но его можно и нужно разделить как истинную и неизменную идею (в английском языке, например, эти значения слова «разделить» передаются разными глаголами — ср.: «to divide» и «to share»). Таким образом, если раньше человек терялся в завораживающих звуках рассказов-песен, т.е. отождествлялся с ними, то теперь человек как бы теряется в *Формах*, наполняя и разделяя их. Если в рассказе-мифе «рассказчик идентичен своему рассказу» [Фрейденберг 1978, 210], то в истинном бытии человек идентичен идее. Король умер, да здравствует Король!

Разделять космос на два мира в идеале надо, очевидно, пополам, чтобы впоследствии субъекту и объекту было легче сливаться в одно

неделимое целое. По крайней мере, такое разделение должно производиться как можно естественнее, чтобы казалось, будто образовавшиеся миры отвечают некой высшей логике. Показательно, что корень *skei-, к которому восходит английское слово «наука» (science) (ср.: греч. корень σκίζειν), означает «раскалывать», «расщеплять» («to split», «to cleave»), т.е. проводить разделение вдоль некой естественной линии, например, древесных волокон. Но где проходит эта естественная линия?! Это лишь кажется, что две половины, на которые разделяется космос, являются одинаковыми: на самом же деле все составляющие космоса равны, но одни все-таки «равнее» других. Поэтому в многочисленных делениях, которые мы находим в сочинениях Платона, таких, например, как явление/реальность, мнение/знание, тело/душа, множественность/единство, риторика/диалектика и т.д. первый элемент каждой оппозиции является маркированным [Schiappa 2003, 6–7], и мы понимаем истинные симпатии Платона.

Необходимо отметить, что научность платоновской мысли в конечном счете носит философско-моральный характер. Человек стремится достичь и постичь идеи ради того, чтобы существовала справедливость как высшая добродетель. Именно на этом незыблемом идеале может быть создано устойчивое мироустройство. (И – можно заметить в скобках – именно идея такого идеала оказалась столь привлекательной для большинства представителей русской философии [Иванов, Журавлева 2014]). В то же время необходимо отметить, что Платона интересовали проблемы (и) сугубо научного (в современном понимании) характера. Так, в «Федоне» он выдвигает тезис о шарообразности Земли; в «Государстве» предлагает свое видение пифагорейской картины космоса; а в «Тимее» продолжает рассказ об устройстве космоса, высказывая ряд положений о движениях небесных светил и излагая свою теорию материи. Не следует также забывать о том, что Платон основал свою Академию, в которой акцент делался не столько на обучении практическим знаниям, сколько на теоретических дисциплинах. В «Государстве», например, Платон говорит, что те, кто стоит во главе идеального государства, должны изучать арифметику, геометрию, стереометрию и теоретическую астрономию, отмечая не столько их практическую полезность, сколько ценность для подготовки души к более глубоким философским размышлениям.

Таким образом, не случайно, что вот уже несколько тысячелетий наука говорит языком Платона и развивается по пути, который он наметил. Показательно, что даже Ф. Бэкон, которого считают основоположником опытной науки Нового времени, при разработке своего научного метода отталкивается от идей Платона. Так, он рассматривает формы как истинные объекты науки, при этом ставя задачу открывать формы в самой материи. Он пытается избавиться от «идолов пещеры», но уже экспериментальным путем, считая, что при-

роду надо вопрошать, т.е. задавать ей вопросы и четко контролировать данный процесс. Таким образом, он хочет соединить разум человека с природой вещей на благо всего человечества [Merchant 2008]. Иными словами, и за его научной мыслью стоят самые благие намерения.

Научный взгляд, восходящий к Платону, это взгляд, который рассматривает жизнь, как бы отталкиваясь от нее и устремляясь к истине. Наука — это «не жизнь», поскольку наука — это следование мысли за истиной (исследование), а жизнь — лишь выражение или выразительность; так, «чувственно-материальный космос является в Античности и выражаемым, и выражающим, и выраженным». Соответственно, в жизни есть своя эстетика, но искусство, по Платону, лишь подражает чувственному миру и никак не связано с областью прекрасного, создавая лишь копии копий, в отличие от науки, которая имеет дело с истиной. Образно говоря, наука — свет, а жизнь — тьма или же тени. Наука рассматривает жизнь, чтобы помочь людям проникнуть в истину: только так душа может вспомнить забытые истины, т.е. просветиться. Только так можно достичь высшей добродетели и создать прекрасное (идеальное) мироустройство (пайдейя — это помимо всего прочего и просвещение). Наука, таким образом, все идет по следу за истиной, чтобы жизнь озарилась светом знаний. То же, насколько полно науке удастся охватить все многообразие жизни, требует отдельного рассмотрения.

ИСТОЧНИКИ

- Аристотель — *Аристотель*. Евдемова этика. — М., 2005.
- Бессонов 2014 — *Бессонов Б.Н.* История и философия науки. — М.: Юрайт, 2014.
- Иванов, Журавлева 2014 — *Иванов А.В., Журавлева С.М.* Платонизм русской философии // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2014. Т. 12 (2).
- Лосев 2000 — *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Кн. 1. — М.: АСТ, 2000.
- Платон 1989 — *Платон*. Федр. — М.: Прогресс, 1989.
- Платон 2006 — *Платон*. Государство. — М.: АСТ, 2006.
- Поппер 2002 — *Поппер К.Р.* Объективное знание. Эволюционный подход. — М.: УРСС, 2002.
- Фрейденберг 1978 — *Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности. — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978.
- Хайдеггер 1986 — *Хайдеггер М.* Учение Платона об истине // Историко-философский ежегодник. 1986. — М.: Наука, 1986.
- Foss 2009 — *Foss S.* Invitational Rhetoric // Encyclopedia of Communication Theory. Ed. by S.W. Littlejohn and K.A. Foss, 2009. — URL: <http://dx.doi.org/10.4135/9781412959384.n213> (дата обращения — 01.15.2017).
- Havelock 1963 — *Havelock E.* Preface to Plato. — Cambridge (MA): Harvard University Press, 1963.
- Heidegger 1973 — *Heidegger M.* The End of Philosophy. — Chicago: The University of Chicago Press, 1973.

Heidegger 2005 – *Heidegger M.* Sojourns: The Journey to Greece. – Albany: SUNY, 2005.

Merchant 2008 – Merchant C. “The Violence of Impediments”: Francis Bacon and the Origins of Experimentation // *Isis*. 2008. Vol. 99.

Nikulin 2012 – *Nikulin D.* The Other Plato: The Tübingen Interpretation of Plato’s Inner-Academic Teachings. – N. Y.: SUNY Press, 2012.

Schiappa 2003 – *Schiappa E.* Protagoras and Logos: A Study in Greek Philosophy and Rhetoric. – Columbia: University of South Carolina Press, 2003.

Whitehead 1979 – *Whitehead A.N.* Process and Reality. Gifford Lectures Delivered in the University of Edinburgh During the Session 1927-1928. – N. Y.: Free Press, 1979.

THE ORIGINS OF SCIENTIFIC THINKING: LINE OF PLATO

I.E. KLYUKANOV

Summary

Philosophy is commonly viewed as the opposite of science; however, science has its roots in philosophy as mental consideration of things. This article presents an analysis of Plato’s role in the formation of scientific thought. It is shown how his desire to establish a stable world of ideal forms determined Plato’s attitude toward oral speech as well as to the transfer and storage of knowledge in a written form. The article pays special attention to Plato’s views on dialectics as a living movement of thought. In this regard, the article notes Plato’s critical attitude toward rhetoric, which can not be viewed as a method because it represents not a search for the truth but merely a process of persuading the majority of people. It is pointed out that in the divisions made by Plato, such as, for example, phenomenon/reality, opinion/knowledge, body/mind, rhetoric/dialectics, etc., one element of each opposition is marked, indicating his true preferences. It is noted that Plato’s conceptualization of science has in the end a philosophic-moral nature. It is argued that Plato laid the foundations of scientific thought whose aim is to find truth so that life can be illuminated by the light of knowledge.

Keywords: Plato, science, knowledge, rhetoric, dialectics, oral and written speech.

Klyukanov, Igor – D.Sc. in Philology, Professor in the Communication Studies Department at Eastern Washington University, USA.

Citation: KLYUKANOV I.E. (2017) The Origins of Scientific Thinking: Line of Plato In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 5, pp. 43-55.

REFERENCES

Aristotle (2005). *Nicomachean Ethics* (Russian translation: Moscow, 2005).
Bessonov B. (2014). *A History and Philosophy of Science*. Moscow (in Russian).

Freidenberg O. (1978). *Myth and Literature in Ancient Times*. Nauka, Moscow (in Russian).

Foss S. (2009) Invitational Rhetoric. In: S.W. Littlejohn and K.A. Foss (eds.). *Encyclopedia of Communication Theory*. Available at: <http://dx.doi.org/10.4135/9781412959384.n213> (Reference date – 01.15.2017).

Havelock E. (1963) Preface to Plato. Harvard University Press, Cambridge (MA).

Heidegger M. (1986). Plato's Doctrine of Truth (Russian translation in: *Istoriko-filosofskii ezhegodnik* [A Historic-philosophical Yearbook]. Nauka, Moscow).

Heidegger M. (2005) *Sojourns: The Journey to Greece*. SUNY, Albany.

Heidegger M. (1973) *The End of Philosophy*. The University of Chicago Press, Chicago.

Ivanov A., Zhuravleva S. (2014). 'Platonism of Russian Philosophy'. In: *The Bulletin of Novosibirsk State University*. 2014. Vol. 12. Issue 2 (in Russian).

Losev A. (2000). *A History of Ancient Aesthetics. The Results of One Thousand Years Development*. Book 1. Moscow (in Russian).

Merchant C. (2008) "'The Violence of Impediments': Francis Bacon and the Origins of Experimentation'. In: *Isis*. 2008. Vol. 99. Не указаны страницы, которые занимает статья в журнале

Nikulin D. (2012) *The Other Plato: The Tübingen Interpretation of Plato's Inner-Academic Teachings*. SUNY Press, New York.

Plato (1989). *Phaedo* (Russian translation: Progress, Moscow, 1989).

Plato (2006). *The Republic* (Russian translation: Plato. *The Republic*. AST, Moscow, 2006).

Popper K. (2002). *Objective Knowledge. An Evolutionary Approach* (Russian translation: Popper K. *Objective Knowledge. An Evolutionary Approach*. URSS, Moscow, 2002).

Schiappa E. (2003) *Protagoras and Logos: A Study in Greek Philosophy and Rhetoric*. University of South Carolina Press, Columbia.

Whitehead A.N. (1979) *Process and Reality*. Gifford Lectures Delivered in the University of Edinburgh During the Session 1927-28. Free Press, New York.